

Андрей Захаров. *Гласность делает власть и механизмы социального контроля открытыми для корректировки и критики.*

В своем выступлении я буду говорить о том, как гласность соотносится с имперскими порядками в узком смысле слова и иерархическими порядками в широком смысле этого слова.

Американский политолог, Александр Мотыл в своей известной книге об империях (*Imperial Ends: The Decline, Collapse, and Revival of Empires*, 2001). сравнивал имперскую государственность с колесом, у которого есть ступица и спица, но у которого нет обода. По его словам, внутри этой иерархической и лучеобразной политической системы элита ядра и созданное ею государство доминируют над периферийными элитами и обществами, выступая в роли неизбежных посредников в их возможных взаимодействиях и управляя ресурсными потоками от периферии к ядру и обратно. Отдельные участки периферии, крепко привязанные к центру, почти никак не взаимодействуют между собой. Это обстоятельство очень важное. Отсюда, собственно говоря, образ колеса без обода.

Уместно добавить, что сказанное, естественно, касается и информационных потоков тоже. Имперский центр сначала регламентирует создание официального нарратива о себе, а потом обеспечивает его распространение на всех периферийных участках. Соответственно, информационное взаимодействие маргинальных сегментов между собой не поощряется и не приветствуется. Этот поток, который идет только в одну сторону, изначально лишен динамики, поскольку официальный нарратив не может быть оспорен в дискуссии.

В смысле организации власти всякая империя предстает перед своим населением законченной системой. Она идеальна. Это лучший из возможных вариантов государственного устройства. Соответственно, информационному окукливанию, о котором идет речь, способствуют буквально все признаки имперского устройства. Империи отличаются пространственной протяженностью. И поэтому унифицирующий

политический нарратив выступает дополнительной скрепой для этого пространства. Империям присущи многонациональность и поликультурность. Поэтому многоголосие бытующих в империи истин нужно упорядочивать внедрением универсального нарратива, который разрабатывается в Центре.

Конец империи перманентно расширяется. И поэтому Центру необходимо внушать периферии, что экспансия хороша и полезна, в первую очередь для самой периферии.

Иначе говоря, этот Центр сверхмощный в институциональном отношении, в ценностном отношении, в имперской рамке оказывается единственным дееспособным актором, который задает универсальные правила игры и который не позволяет прочим участникам вступать в сепаратные отношения между собой. Империя выступает в качестве центра стремительного пространства. Горизонтальные и непосредственные связи между отдельными частями в империи производны от связей вертикальных.

Формируя и воспроизводя эту модель, доминирующий центр и подчиненная периферия взаимодействуют таким образом, что потоки ресурсов идут в центр, потоки инноваций, напротив, идут на периферию. Империя создает коммуникационную систему особого рода. Предположим, мы знаем о том, что транспортные сети империи, автомагистрали, железные дороги, морские пути служат каналами, по которым перемещаются потоки физических ресурсов, в основном соответствуют радиальной структуре. То есть тому самому лучеобразному пространству, о котором я говорил. Они лучеобразно соединяют центр с различными участками периферии.

И, напротив, связи периферийных зон между собой носят случайный, фрагментарный характер. Они не поощряются центральной властью и всемерно этой центральной властью контролируются.

Однако существование всякой империи (я говорю в первую очередь об империях современных, об империях нового времени), сопряжено с двумя

проблемами, которые во временном смысле кладут предел любому имперскому проекту. Какие это проблемы?

Во-первых, в любой империи, даже в самой гуманной слишком много насилия, поскольку империя держится на принуждении. Во-вторых, имперское строительство является крайне затратным предприятием.

Например, оценивая в своей книге «Колосс: Подъем и падение американской империи» (Colossus: The Rise and Fall of the American Empire, 2004) английский историк Найалл Фергюсон говорит о том, что, даже если предположить, что Соединенные Штаты хотели бы в современном мире быть империей, следует признать, что у них ничего из этого не получится. Потому что если в отношении финансово-экономических ресурсов претензии США на имперское лидерство выглядят до известной степени обоснованными, то человеческих ресурсов, по словам Фергюсона, им явно не хватает.

Он говорит о том, что, даже оставаясь самой могучей в военном отношении державой современного мира, США не в состоянии вести две локальные войны одновременно. С аналогичной проблемой на излете своего существования столкнулся и Советский Союз, который экономически не вытянул даже относительно небольшую войну на своих рубежах.

Короче говоря, империя – это и грубо, и дорого. И вот в те моменты, когда под давлением политических, военных, экономических обстоятельств империя начинает осознавать собственную жестокость и дороговизну, возникает тема ее реформирования.

В арсенале политических ресурсов, который используется в подобного рода преобразованиях одна из ведущих ролей отводится гласности. Политика гласности ценна не только своим моральным пафосом, о котором говорят достаточно много. Конечно, говорить правду – это, безусловно, хорошо, но более важно, с моей точки зрения, влияние гласности на системы реализации власти и механизмы социального контроля. Гласность делает их открытыми для корректировки и критики, преобразуя прежние, устоявшиеся, утвердившиеся обыкновения политического участия.

В ноябре и декабре 1917 года большевистский МИД под руководством Троцкого произвел масштабную публикацию секретных документов, которые были извлечены из архивов царского Министерства иностранных дел. Тексты закрытых ранее бумаг бессистемно и очень быстро группировались в сборники и также публиковались в газетах Советской России, которые занимались этим очень активно на протяжении нескольких недель.

Эта акция, как и последовавшая спустя полвека акция Викиликс, ощутимо повлияла на международные отношения. Потому что, скажем, обнаруженный в ноябре 1917 года Договор Сайкса — Пико и Сазонова, который предусматривал раздел Османской империи между Англией и Францией, а также передачу России Черноморских проливов, послужил детонатором для последующего националистического взрыва в арабском мире. Арабские элиты, которые в ходе краха Османской империи рассматривали себя не столько в национальных, сколько в религиозных категориях, начали стремительно национализироваться с далеко идущими политическими последствиями, которые сказываются и сегодня. Примерно такой же эффект имела в свое время публикация секретных протоколов к Советско-германскому пакту 1939 года.

Главным эффектом гласности оказывается то, что она лишает старую систему одного из самых главных атрибутов осуществления власти, а именно сокровенности и закрытости, которые сопровождают процесс принятия решений. Империя, как я уже говорил, по определению, представляет собой идеальный порядок, поэтому она консервативна. А предназначение государственной власти, которая рассматривается в имперской перспективе, состоит в том, чтобы держать индивидуальный разум в узде, противопоставляя его притязаниям непостижимую тайну власти.

Классик-консерватор Жозеф де Местр пишет: «Правительство – это настоящая религия. Она имеет свои догматы, свои таинства, своих священнослужителей. Позволить каждому обсуждать правительство – это

значит разрушить его». В основе имперского государства лежит тайна, трактуемая именно таким образом, который нам предлагает консерватор первой волны. Его пути непостижимы рациональными средствами. И потому все, что остается подданным, - это слепое повиновение. Более того, эта закрытость является системообразующим признаком иерархического порядка. Де Местр говорит: «Лишите мир этой непостижимой силы, и в одно мгновение порядок обратится в хаос, а общество исчезнет».

Что делает гласность? Она производит самое решающее влияние на имперские порядки по трем позициям

. Во-первых, гласность преобразует само имперское пространство, реорганизуя информационные потоки. Они перестают быть односторонними, они теперь идут в обе стороны, а не только в одну. И в итоге это пространство перестает быть иерархичным и центрированным и становится демократичным и децентрализованным.

Во-вторых, гласность преобразует саму власть. Власть перестает быть тайной. А когда власть перестает быть тайной, ее механизмы делаются предметом рационального регулирования и рациональной корректировки.

В-третьих, благодаря гласности меняются механизмы политического участия. По сути дела, Гласность – это проект, который направлен на расширение политического участия, на то, чтобы сделать его более деятельным, более массовым, более ориентированным на будущее.

Все, что было только что сказано, вполне можно приложить к истории гласности, которую все мы наблюдали в нашей истории XX века.

В заключение вновь выскажу тезис, с которого, и начинал. Гласность переустраивает имперские порядки. И в любом подобном случае перестройка порядка начинается именно с объявления политики гласности в том или ином виде.

